

В. Е. КОЗЛЯКОВ

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ БЕЛАРУСИ В КОНЦЕ XIX — НАЧАЛЕ XX в.

Гармонизация межнациональных отношений в современных условиях требует всестороннего и глубокого изучения национальных проблем, возникавших на разных этапах исторического развития. Особый интерес вызывает этническая ситуация в Беларуси, сложившаяся в конце XIX – начале XX в., когда предпринимались попытки модернизации. В Беларуси, входившей тогда в состав Российской империи, отчетливо дали о себе знать многие национальные проблемы, характерные в той или иной степени для всего огромного полиэтнического государства. Не секрет, что многие этносы пользовались меньшими правами, чем господствовавшая нация. На характер национальных отношений оказывали влияние крепостнические пережитки, отсутствие демократических традиций. Вместе с тем хищнические аппетиты западных держав и их заокеанских партнеров не могли не насторожить имперскую Россию, правящие круги которой отчетливо понимали, что сильный западный капитал рано или поздно может составить серьезную конкуренцию российскому уже в самой стране с ее огромными пространствами и неисчерпаемыми природными ресурсами. Вот почему искоренение политического сепаратизма присоединенных и присоединяемых провинций, укрепление государственного единства на всем пространстве имперской территории стали главными целями национальной политики самодержавия и его союзников.

Это проявилось прежде всего в кадровой политике царизма при назначениях на чиновничьи должности в местные администрации, судебные учреждения и полицию. Здесь преобладали русские. Так, на территории пяти западных губерний в 1897 г. русских проживало 5,97 %, а их доля на чиновничьих должностях составляла 49,09 %; белорусов соответственно 65,61 % и 32,35 %; украинцев – 4,59 % и 2,15 %; поляков – 5,15 % и 12,06 %; евреев – 14,59 % и 1,2 %; других национальностей – 3,93 % и 3,71 % [4, с. 16]. Царизм различными льготами старался привлечь чиновников русского происхождения на административную работу в западных губерниях и Царстве Польском, надеясь тем самым с помощью русских укрепить устои самодержавия. Так, согласно Положению об особых преимуществах гражданской службы в губерниях Западных и Царстве Польском от 26 апреля 1904 г., чиновникам русского происхождения давалась прибавка в раз- мере 20 % получаемого жалования. Вместе с тем царизм понимал необходимость привлечения на свою сторону путем назначения на некоторые чиновничьи должности выходцев из интеллигенции других национальностей. Этим и объясняется значительная доля поляков и белорусов в составе администраций, судебных учреждений, среди полицейских чинов в Беларуси.

Большую сложность и трудность для царизма представляла так называемая «еврейская проблема». Как известно, для еврейства черта оседлости была введена еще в 1791 г. В дальнейшем ее границы заметно расширились. Однако эти меры не могли остановить стремительное распространение еврейского капитала и усиление влияния еврейского предпринимательства в экономике, что вызывало недовольство становившихся на ноги российских предпринимателей и промышленников, в первую очередь связанных с сельским хозяйством и переработкой сельскохозяйственного сырья. 3 мая 1882 г. последовал указ Александра III о запрещении евреям селиться вне городов и местечек и временном приостановлении «купчих крепостей и закладных на имя евреев, арендных договоров на недвижимые имущества» [8, с. 181].

Существовали и другие ограничения. Так, при поступлении в школы и высшие учебные заведения для евреев существовала мизерная «процентная» норма. Чрезвычайно редкими были случаи занятия евреями чиновничьих должностей на государственной службе, работы их служащими или даже чернорабочими на железной дороге. И все же бывали периоды, когда царизм шел на ослабление ограничительных мер для еврейства, расширение прав на жительство вне «черты оседлости». Несмотря на подобные послабления, почва для взаимного недоверия, обвинений и обид сохранялась.

Здесь мы подошли к одной острой проблеме – истории погромов. До 80-х гг. XIX в. погромов в России и Беларуси практически не было. Что касается других стран, то, начиная с глубокой древности,

погромные явления представляли собой фактически своеобразную форму классовой борьбы, главным образом, стихийный протест низов. Следует принять во внимание и конкурентную борьбу, существовавшую издавна. Русская буржуазия, местные предприниматели национальных регионов не без зависти смотрели на своих еврейских конкурентов, представляв-

ших собой четко организованную своеобразную торгово-религиозную касту. Поэтому возникало жгучее желание как-то потеснить евреев-торговцев с общероссийского рынка, не стесняясь при этом в выборах средств. Этому способствовала позиция властей, которые зачастую своим бездействием или даже откровенным пособничеством содействовали организации погромов.

Имевшиеся ограничения и погромы во многом способствовали втягиванию значительной массы евреев в революционное движение, что обусловило их высокий процент в различных оппозиционных партиях. Витебская жандармерия, например, посчитала даже необходимым ознакомить высших полицейских чинов с содержанием письма, датированного 29 августа 1904 г., некоего доктора медицины А. Эйгеса. Автор, не скрывая своих личных обид по поводу непринятия сына в университет, высказал любопытные суждения, порой эмоциональные, о ситуации в Западном крае, радикализации взглядов и настроений среди молодежи. «Молодые люди в положении моего сына страшно озлоблены и готовы на все – им теперь терять нечего – лишь отомстить за свою, ничем не заслуженную обиду, отомстить за себя и за своих обездоленных товарищей, – писал автор. – Охранителям государственных устоев можно бы посоветовать оставить социалистов в покое, а вместо их ловить и запрятать далеко тех, кто их фабрикует, т. е. тех, кто озлобляет людей различными ограничениями и лишением их человеческих прав» [6, л. 85].

Нельзя не отметить и конкретные провокации со стороны еврейской плутократии, которые зачастую приводили к погромам, о чем свидетельствует, например, история гомельского погрома (сентябрь 1903 г.). Сигналом для избиения приехавших в город за покупками белорусских крестьян послужила ссора на базаре между лесником и еврейской торговкой. Некоторые крестьяне получили смертельные удары ножами от еврейских боевиков. Это вызвало негодование христианского населения, в первую очередь железнодорожных рабочих. Произошли стычки, в ходе которых были разгромлены еврейские дома, и, к сожалению, список жертв пополнился [2, с. 7–14, 61]. Подобные трагические явления обостряли межнациональные отношения в России, тормозили поиск путей решения национальных проблем.

Национальный вопрос в Беларуси тесно переплетался с аграрным и рабочим вопросами. Царское правительство беспокоило усиливавшееся господство польских помещиков, которым в 1864 г. в Беларуси принадлежало земли в 4 раза больше, чем остальным крупным землевладельцам. Напуганное восстанием

1863–1864 гг. царское правительство ввело здесь различные ограничения и запреты на продажу и аренду земли евреям и полякам. Восстановление этого права для поляков произошло только в мае 1905 г., для евреев – в 1906 г., хотя и до этого польскими помещиками и еврейской буржуазией осуществлялась купля-продажа земли через подставных лиц [3, с. 52–54].

Несмотря на подобные ограничения, польские помещики к началу XX в. превратились в крупных землевладельцев, сконцентрировавших в своих руках значительную часть земли. Например, в начале XX в. в Виленской губернии из всех

крупных имений, включавших в себя свыше 330 гектар земли, 71,1 % принадлежало польским помещикам, 20 % – русским. В Гродненской губернии крупные польские имения составляли 52,9 %, Минской – 55,8 %, Витебской – 45,7 %, Могилевской – 41,8 % [9, с. 8]. Русские же помещики в Беларуси составляли незначительный процент от всех крупных землевладельцев. Большая часть русских господ не вела самостоятельного хозяйства, предпочитая либо сдавать свои земли в аренду, либо спекулировать ими.

Реформы 60–70-х гг. XIX в., развитие рыночных отношений приводили к дальнейшему социальному расслоению населения страны, возникновению двух основных классов – буржуазии и пролетариата. Мощные экономические корни имела еврейская буржуазия, обладавшая широкими международными связями. В Беларуси еврейская буржуазия являлась собственником более половины фабрик и заводов. Например, в Гродненской губернии в 1890 г. из 178 суконных предприятий еврейским предпринимателям

принадлежало 110 (61,8 %) [5, л. 34]. По переписи 1897 г., 84,5 % купцов 5 западных губерний относились к евреям, 10,7 % – к русским и только 1,7 % были белорусами.

Промышленный пролетариат Беларуси был немногочисленным. Фабрично-заводские и железнодорожные рабочие составляли около 85 тыс. человек. 75 % из них – белорусы, русские, поляки [1, с. 30]. Жизненный уровень рабочих Беларуси оставался низким. Среднегодовая заработная плата здесь была на 28,4 % ниже, чем в центральных губерниях России, и на 51 % ниже, чем в Петербургской губернии [11, с. 377]. К тому же неодинаковым оказался уровень зарплаты рабочих по отраслям. Белорусы и русские были заняты в основном на тяжелых работах, связанных с большими физическими затратами. Наличие огромной массы резервной армии труда позволяло предпринимателям устанавливать минимальные ставки оплаты рабочей силы.

Некоторое представление о тенденциях, наметившихся в национальном вопросе, дают данные и о численности, структуре и этническом составе интеллигенции в западных губерниях России. Тем более, что интеллигенция играла важную роль не только в политической, экономической и духовной жизни страны, но и в пробуждении и формировании национального сознания. По итогам Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г., к интеллигенции Беларуси (на основании данных Виленской, Витебской, Гродненской, Минской и Могилевской губерний) можно отнести следующие категории по роду занятий: чиновники администрации, суда и полиции; лица, состоявшие на общественной, сословной и благотворительной службе; занимавшиеся частной юридической практикой, учебной и воспитательной, научной и творческой, врачебной и санитарной деятельностью; духовенство различных религиозных конфессий. Если суммировать данные по этим категориям и исходить из официальной статистики, то численность интеллигенции составила 54 663 чел., что соответствовало лишь 0,64 % всего населения указанных губерний [4, с. 26].

Любопытен национальный состав интеллигенции: русских – 29,83 %; белорусов – 26,12 %; украинцев – 1,42 %; поляков – 10,13 %; евреев – 28,81 %; других

национальностей – 3,67 %. Обращает на себя внимание тот факт, что процент русских, поляков и евреев в интеллигенции был выше их доли в общем составе населения, а процент белорусов – гораздо ниже. Безусловно, негативную роль в формировании интеллигенции Беларуси сыграл укоренившийся в правящих кругах стереотип о том, что белорусы – не самостоятельная нация, а лишь этнографическая ветвь русского народа, которая «должна слиться с ним».

Несмотря на существовавшие ограничения для евреев при поступлении в средние и высшие учебные заведения России, их представительство в интеллигенции, как в целом по стране, так и по Беларуси, было весьма значительным. Это свидетельствовало о том, что у еврейства существовало немало способов и путей для получения образования через домашние школы, хедеры и другие формы. Следует учитывать огромные финансовые и другие возможности евреев для просвещения и образования своих детей. Интересно, что среди лиц, занимавшихся учебной и воспитательной деятельностью в конце XIX в., евреи составляли 56,26 %, русские – 16,62 %, белорусы – 18,64 %. Вот почему становится понятным, что, несмотря на определенные ограничения, у евреев процент грамотности был выше по сравнению с другими этносами.

В целом, серьезные проблемы имелись в просвещении, образовании и культуре многих народов России. В дореволюционный период около 70 % населения России было неграмотным. Что касается Беларуси, то по подсчетам Н. Улащика, в 1897 г. грамотных мужчин было 36,4 %, женщин – 15,5 %, а в целом (в границах территории современной Беларуси) грамотность составила 25,7 % [10, с. 108]. Если попытаться из этого числа выделить белорусов, то окажется, что их грамотность в 1897 г. составляла чуть более 13 %. Белорусский язык официально так и не был признан, и обучение на нем по-прежнему не разрешалось. Усилились преследования «тайных» школ. После революции 1905–1907 гг. только в Слуцком уезде Минской губернии было закрыто 72 школы за изучение в них родного языка [7, с. 226].

Таким образом, национальные проблемы в Беларуси в указанный период были во многом обусловлены существованием различных неоправданных ограничений для этнических общностей, отсутствием политического, экономического, культурного равноправия и свободы, необходимых условий и возможностей для народов на пути к прогрессу. Национальная политика царизма, оставаясь великодержавной по своей сути, претерпевала определенные изменения в зависимости от политической ситуации. Наблюдались попытки правящей элиты найти и узаконить менее грубые формы национального гнета. Однако царизм оказался все же не в состоянии выработать такой курс национальной политики, который отвечал бы интересам народов России. Становилось очевидным, что решение

национальных проблем во многом будет зависеть от глубины демократических преобразований в политической, экономической и социальной сферах. Становилось очевидным, что решение национальных проблем во многом будет зависеть от глубины демократических преобразований в политической, экономической и социальной сферах.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бич, М. О.* Рабочее движение в Белоруссии в 1861–1904 гг. / М. О. Бич. – Минск : Наука и техника, 1983. – 280 с.
2. Гомельский процесс: Подробный отчет составлен Б. А. Кревером по протоколам защитников и отчетам. – СПб., 1907. – 262 с.
3. Законодательные акты переходного времени 1904–1908 гг. Сб. законов, манифестов, указов Прав. сенату, рескриптов и положений комитета Министров, относящихся к преобразованию гос. строя России, с прилож. алф. предметного указателя. – Изд. 3-е, перераб. и доп. по 1 сент. 1908; под ред. Н. И. Лазаревского. – СПб. : Право, 1909. – 1018 с.
4. *Козляков, В. Е.* Национальный вопрос и неонароднические партии. Начало XX в. – конец 20-х гг. (на материалах России, Беларуси, Украины) / В. Е. Козляков. – Минск : БГТУ, 2001. – 246 с.
5. Национальный архив Республики Беларусь. – Ф. 60. – Оп. 3. – Д. 3.
6. Национальный исторический архив РБ. – Ф. 2499. – Оп. 1. – Д. 27.
7. Нарысы гісторыі народнай асветы і педагагічнай думкі ў Беларусі; рэд. Калегія С. А. Умрэйка (галоўны рэд.) [і інш.]. – Мінск : Народная асвета, 1968. – 621 с.
8. Полное собрание законов Российской империи. – Т. 2. – Собр. 3-е. – СПб. : Гос. тип., 1886. – 824 с.
9. *Турук, Ф. Ф.* Белорусское движение. Очерк истории национального и революционного движения белорусов / Ф. Ф. Турук. – М. : Госиздат, 1921. – 142 с.
10. *Улащик, Н. Е.* Грамотность в дореволюционной Белоруссии / Н. Е. Улащик // История СССР. – 1968. – № 1. – С. 106–110.
11. Экономика Белоруссии в эпоху империализма 1900–1917; под ред. Г. Т. Ковалевского [и др.]. – Минск : Из-во Академии наук БССР, 1963. – 422 с.